

УДК 316.405

ДЭВИД ЛЕЙН,
профессор Кембриджского университета,
Великобритания

Социологические последствия двадцати лет преобразований: как сближаются Восток и Запад?

Аннотация

Государственный социализм был особым общественным строем, сочетавшим, как утверждалось, индустриализм с рациональностью и равенством. Однако крах социалистических государств был встречен с ликованием как триумф демократии и свободы. Радикальные реформы государственного социализма, основанные на принципах неоллиберализма, привели к установлению политической и экономической системы, созданной по образцу рыночных структур и частной собственности. Однако в основе политических и экономических преобразований лежали порожденное приватизацией неравенство, неэффективность выборной демократии, приведшая к безработице неадекватность рынка труда и отстранение государства от роли поставителя всеохватывающего социального обеспечения.

Новые страны-члены Европейского Союза достигли больших успехов на пути к структурам выборной демократии и открытым экономическим рынкам. При этом совершенно не исключено, что в странах СНГ (особенно в Украине) неоллиберальный капитализм приведет к консервации состояния отсталого либо одностороннего развития. Но даже в этих странах возвращение к государственному социализму с государственной собственностью, плановой экономикой и всеохватывающим социальным обеспечением маловероятно.

Ключевые слова: *государственный социализм, рациональность, равенство, индустриализм, демократия, свобода*

Особый дух и привлекательность государственного социализма объяснялись тем, что он был не просто разновидностью капитализма, а иной социальной системой, декларирующей сочетание индустриализма с рациональностью и равенством. Это признается всеми исследователями, от Сидни и

Беатрис Уэббов до Ричарда Пайпса. Государственный социализм подчинил экономику политике и низверг автономную власть частного капитала. Исследователи с 1917 года и по сей день спорят, что явилось результатом этого: новая цивилизация или недопустимая тирания. Преобразование государственного социализма ставит вопрос: может ли постсоциалистическая система на основе рынков и частной собственности преодолеть свои перекосы и неэффективность? Если убрать коммунистический режим и плановую экономику, получится ли что-то лучшее? Сегодня этот вопрос перестал быть сугубо теоретическим и контрфактическим. По прошествии двадцати лет преобразований государственный социализм можно рассмотреть под другим углом зрения. Что получится, если сравнить неидеальное общество, построенное коммунистами, с вариантом, предложенным неолибералами?

Изначально падение социалистических государств воспринималось на Западе как “триумф”. Этот триумф обычно формулируется в терминах победы демократии и свободы, а значение этого коллапса часто оценивается даже выше, чем самой Октябрьской революции 1917 года. К примеру, с точки зрения Френсиса Фукуямы, распад Советского Союза привел к “универсализации Западной либеральной демократии как окончательной формы человеческого правления” [Fukuyama, 1989: p. 4]. Неолиберальная философия, на которую опирался “триумф Запада”, была “подкреплена широким распространением современной свободной рыночной экономики” [Fukuyama, 1989: p. 1, 8], утверждена либеральной демократией в качестве политического процесса и легитимирована консьюмеризмом в качестве экономической ценности. Другие исследователи, такие как Збигнев Бжезинский [Brzezinski, 1990], утверждали, что коммунизму как форме политического и экономического устройства и марксизму как теории пришел конец. Дарендорф торжественно провозгласил, что “социализм умер” [Dahrendorf, 1990: p. 38].

Для некомунистических левых падение социализма имело такое же значение, но расценивалось как катастрофа. Для Фрэда Холлидея крах этих обществ был “не чем иным, как поражением коммунистического проекта, каким он был известен в XX веке, и триумфом капиталистов” [Halliday, 1991: p.86]. В общемировом масштабе крах коммунистической системы и признание ее неадекватности крайне негативно сказались на усилиях по построению социалистического общества. Это способствовало моральной, интеллектуальной и политической дезинтеграции левых сил. Как выразился Джон Савилль, “вне всякого сомнения, имело место крупное поражение социалистической идеи и идеала... во многих важных вопросах нам действительно приходится все начинать сначала, и в историческом плане этот процесс будет длительным и горьким” [Saville, 1991: p. 7].

Крах государственного социализма привел к государственной политике, основанной на неолиберализме. Согласно документации таких институтов, как ЕБРР, все постсоциалистические страны в той или иной мере открыли свою экономику мировому рынку, приватизировали общественные активы, организовали избирательные полиархии, монетаризировали социальное обеспечение и выстроили свободный рынок труда. Консьюмеризм стал главенствующей, хоть и не очень глубоко укорененной идеологией.

Привели ли эти меры к ожидаемым уровням улучшения общественного благосостояния, провозглашенным неолиберальными приверженцами пре-

образований? Имело ли место приближение к стандартам постиндустриальных западноевропейских государств? И, в качестве альтернативной точки зрения, может ли опыт государственного социализма научить нас чему-нибудь?

Первое десятилетие преобразований было периодом огромного социального потрясения и хаоса. Переход к рынку привел к существенному снижению внутреннего валового продукта, сужению рынка труда и безработице, в свою очередь, приведшим к таким социальным проблемам, как увеличение смертности и количества самоубийств. Однако на рубеже веков экономики всех постсоциалистических государств оправились. Даже с учетом существенных экономических спадов 2008 и 2009 годов ЕБРР зафиксировал усредненный рост ВВП всех стран переходной экономики на 140% за период 1997–2009 годов. При этом ВВП постсоциалистических государств Центральной Европы и Балтики в среднем вырос на 156%, Юго-Восточной Европы — на 114%, России — 108%, Восточной Европы и Кавказа — 100%, Центральной Азии — на 149%¹.

Оценка социальных изменений: мнение народа

Большинство исследователей из постсоциалистических стран оценивали государственный социализм негативно. Опыт рыночных реформ привел к пересмотру личных взглядов на жизнь при государственном социализме. Нашим основным источником информации касательно оценки населением жизни при коммунизме и после его преобразования в нечто иное являются опросы общественного мнения. Исследователи Центра Пью изучали общественное мнение в постсоциалистических странах в 1991 и 2009 годах, благодаря чему мы имеем хорошую возможность оценить отношение общества к различным аспектам пережитого в ходе преобразований. Эту работу дополняют другие исследования, проведенные в России и в Украине. Все это дает нам картину расколотых обществ. Со временем энтузиазм по поводу перемен иссяк, и авторы проекта “The Pew Global Attitudes Project” весьма точно подметили, что спустя два десятилетия после падения Берлинской стены “конец коммунизма приветствуется, но уже с оговорками”².

На рис. 1а и 1б видно, что в 1991 году переход к многопартийной системе и рыночной экономике широко приветствовался в большинстве постсоциалистических стран; в период с 1991-го по 2009 год отношение к переменам стало более сдержанным, в новых странах-членах ЕС поддержка перемен гораздо выше, чем в России и в Украине. Наконец, на рис. 2 видно, что, несмотря на отмеченный в докладах ЕБРР и МВФ рост ВВП, широко распространено представление, что при коммунизме экономические условия были лучше.

---

¹ EBRD Transition Report 2009. — Режим доступа: <<http://www.ebrd.com/downloads/research/TR09.pdf>>. — P. 21.

² Материалы проекта “The Pew Global Attitudes Project: Two Decades after the Wall’s Fall” / Pew Research Center. — Washington, DC. — November 2, 2009. — Available at <<http://pewglobal.org/2009/11/02/end-of-communism-cheered-but-now-with-more-reservations/>> (автор благодарит Хейко Плейнеса за то, что тот обратил его внимание на этот материал).

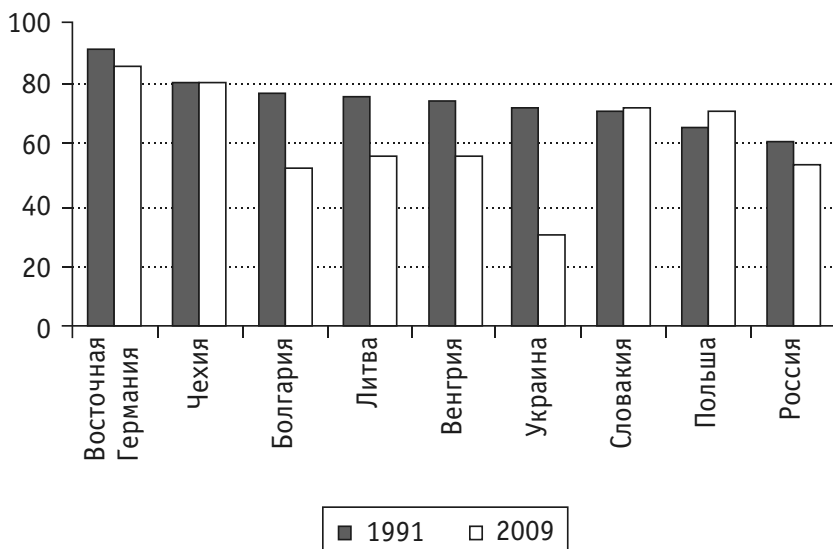

Рис. 1а. Поддержка многопартийной системы в 1991 и 2009 годах

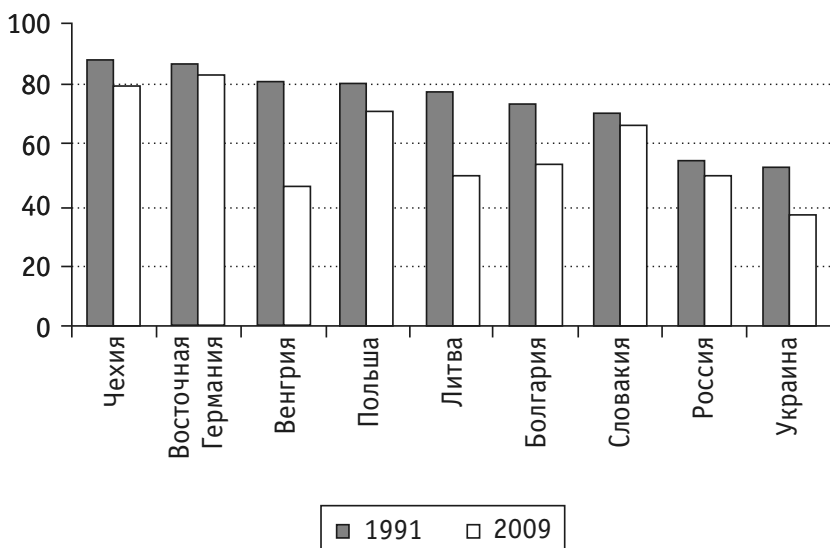

Рис. 1б. Поддержка капиталистической системы в 1991 и 2009 годах

Источник: материалы проекта “The Pew Global Attitudes Project: Two Decades after the Wall’s Fall” / Pew Research Center. – Washington, DC. – November 2, 2009. – Available at <<http://pewglobal.org/2009/11/02/end-of-communism-cheered-but-now-with-more-reservations/>>. – Р. 1.

За весь указанный период лишь в Словакии и Польше наблюдался рост уровня поддержки перемен, и то в отношении многопартийности. В Украине, Болгарии, Литве и Венгрии произошел заметный спад общественного доверия к многопартийной системе. Поддержка капиталистической системы во всех постсоциалистических государствах, особенно в трех республиках бывшего СССР (Литве, России и Украине), была ниже, чем сопоставимой де-

мократии. Более того, во всех постсоветских обществах поддержка капитализма в период с 1991-го по 2009 год снизилась, причем в Венгрии, Литве, России и Украине уровни поддержки упали до 50% респондентов и более.

Все признают, что экономическая ситуация при коммунизме была лучше. Ни в одной постсоциалистической стране на вопрос “Как вы думаете, для большинства людей, живущих в (...страна, где проводилось исследование), экономическая ситуация сегодня лучше, хуже или примерно такая же, как при коммунизме?” не ответили “лучше” более половины опрошенных. Как показано на рис. 2, в 2009 году в Венгрии 72%, а в Украине и Болгарии 62% опрошенных были уверены, что народ живет хуже, чем при коммунизме. Даже в самых успешных странах (Чехии и Польше) от трети до двух пятых респондентов ощущали, что при коммунизме им жилось лучше.

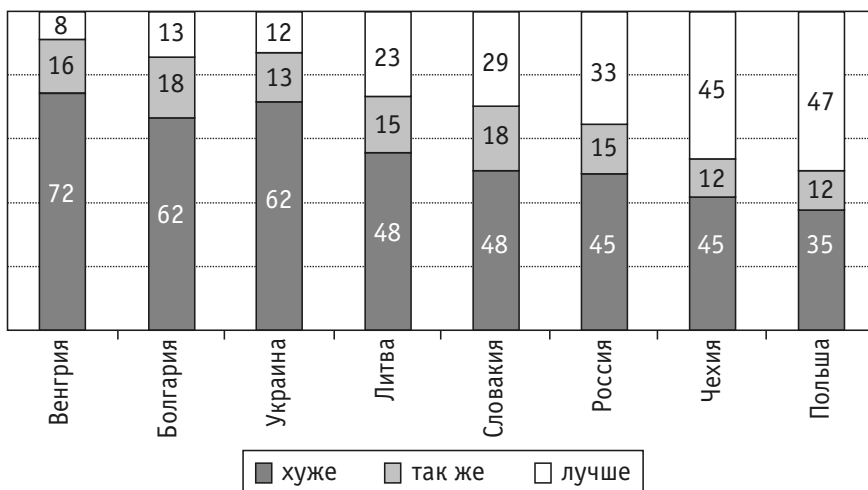

Рис. 2. Сравнение экономической ситуации сегодня и при коммунизме

Источник: материалы проекта “The Pew Global Attitudes Project: Two Decades after the Wall’s Fall” / Pew Research Center. — Washington, DC. — November 2, 2009. — Available at <<http://pewglobal.org/2009/11/02/end-of-communism-cheered-but-now-with-more-reservations/>>. — P. 5.

Как показано на рис. 3, только в Чехии немного более чем половина респондентов полагали, что “обычные люди” выиграли от перемен, в то время как во всех остальных странах (кроме Венгрии) более 80% респондентов считали, что выиграли бизнесмены, и почти во всех странах в 1990-х годах в выигрыше оказались политики. Очевидно, подавляющее большинство населения считало, что получило от перемен очень мало. В общественном сознании определяющим фактором выигрыша от преобразований выступает класс.

Стивен Уайт довольно подробно описывает широко распространенную ностальгию по советской системе. К примеру, больше половины респондентов опроса, проведенного Левада-Центром в январе 2005 года, ответили, что “было бы лучше, если бы все оставалось так, как было до 1985 года” [White, 2007: p. 36]. Данные Уайта свидетельствуют, что в 2005 году “лучшими” чертами коммунистического режима считались гарантия занятости (31%), межэтнический мир (20%), экономическая стабильность (17%), закон и по-

рядок (13%), большее равенство (14%), при этом лишь 2% респондентов считали, что советская система не имела никаких положительных черт [White, 2007: р. 42]. Худшими чертами коммунистического режима называли засилье бюрократии (27%), экономическую стагнацию (25%), притеснение прав человека (14%), коррупцию (8%), загрязнение окружающей среды (7%); 10% считали, что “плохих черт вообще не было”. Сравнивая “наиболее характерные” черты коммунистического и посткоммунистического режима 2005 года в России, Уайт отмечает, что 34% хвалили первый за “близость к народу”, 30% определяли его как бюрократический, 30% — как “сильный” либо “прочный”, 28% отмечали его законность, 26% определяли его как “наш собственный либо привычный”. Второй (посткоммунистический) получил значительно больше негативных отзывов: его самой отличительной чертой называли криминальность и коррумпированность (62%), отдаленность от людей и чужеродную природу (42%), нерешительность (29%), слабость и бессилие 20% (хотя еще в 1998 году это отмечали 30%; вне всякого сомнения, здесь сказалось влияние президента Путина) [White, 2007: р. 43].

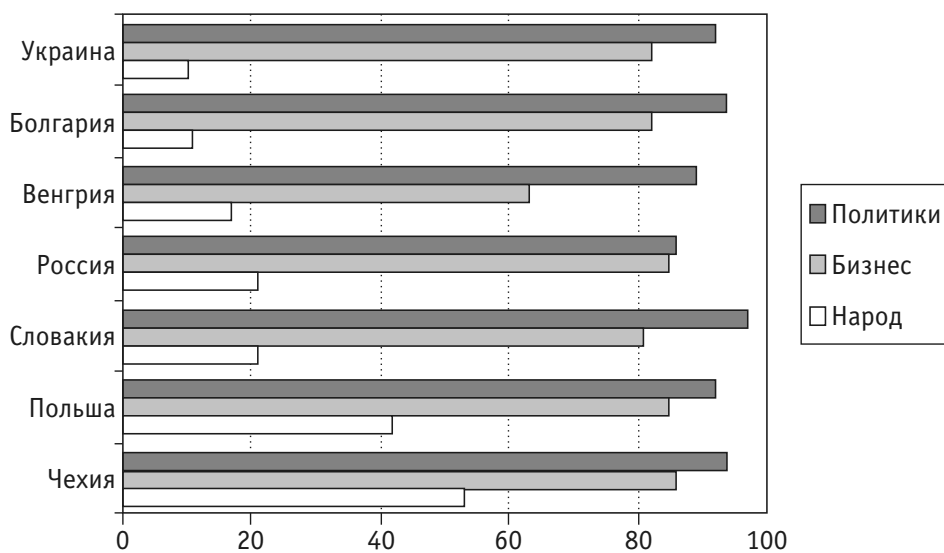

Рис. 3. Кто больше всего выиграл от преобразований?

Вопрос: “Кто выиграл от перемен, начавшихся в 1989/1991 годах?” (в Украине и России — в 1991 году). Данные по варианту ответа: “много/значительно”.

Источник: материалы проекта “The Pew Global Attitudes Project: Two Decades after the Wall’s Fall” / Pew Research Center. — Washington, DC. — November 2, 2009. — Available at <<http://pewglobal.org/2009/11/02/end-of-communism-cheered-but-now-with-more-reservations/>>. — P. 31.

Имелись важные отличия в восприятии распада СССР разными слоями населения. В России в 2005–2006 годах о крахе Союза сожалели 69% женщин, 82% людей в возрасте 60 лет и старше, 82% — со средним образованием, 76% — с низкими доходами. Даже среди людей в возрасте до 30 лет, относившихся к СССР наиболее враждебно, 44% сожалели о его распаде, а среди людей с высшим образованием таких было 62% [White, 2007: р. 46].

К 2010 году в России 34% респондентов из аналогичной выборки полностью или частично соглашались, что “это катастрофа, что Советского Союза больше не существует” (в частности, так считали 46% людей старше 60 лет и 28% людей в возрасте 18–30 лет). В Украине соответствующие показатели были схожими: 45% всего населения, 63% людей старше 60 лет и 27% людей моложе 30 лет¹. Основными факторами поддержки Советского Союза были “полная занятость, низкие цены, всеобъемлющее социальное обеспечение и государство, бравшее на себя ответственность за управление экономикой” [White, 2007: р. 55]. Наблюдалась значительная поддержка в ретроспективе многих принципов, на которых базировался Советский Союз] [White, 2007; см. табл.].

Таблица

**Мнения касательно Советского Союза по итогам опросов
общественного мнения в России и Украине, 2010, % ответивших**

Варианты	Украина	Россия
А. “Это катастрофа, что СССР больше не существует”		
Не согласны полностью либо частично	47	58
Согласны полностью либо частично	45	34
Б. Назовите ОДНУ самую лучшую черту СССР		
Большее равенство	15	17
Мир между народами	10	17
Экономическая стабильность	24	16
Гарантированное трудоустройство	31	28
Никаких положительных черт не было	3	2
В. У СССР не было никаких отрицательных черт	14	9

Опрос 2010 года, $N = 2017$ (Россия), $N = 1200$ (Украина).

Источник: исследование, проведенное организацией, занимающейся опросами общественного мнения. Автор выражает благодарность Стивену Уайту за предоставленные данные.

В России и Украине неудовлетворенность жизненными условиями проявляется и в других аспектах. Исследования, проведенные Левада-Центром, показали, что в России в 1998 году удовлетворенными или в основном удовлетворенными жизнью вообще были только 6% населения, и к 2005 году этот показатель увеличился лишь до 26%. Что касается противоположного конца шкалы, то в 1998 году полностью либо в основном неудовлетворенными своими жизненными условиями были 26% респондентов, а к 2005 году их доля увеличилась до 34% [Вестник, 2005: с. 73, табл. 2]. Деагрегируя эти данные, получим четкую социальную корреляцию между социальным статусом и экономическим положением: к категории людей, описавших себя как “едва сводящих концы с концами, денег не хватает даже на еду”, относились 32% безработных, 37% пенсионеров, 22% домохозяек, 31%

¹ На основе данных исследований, проведенных для Стивена Уайта в России и в Украине в 2010 году. В России $N = 2017$, в Украине $N = 1200$. Автор благодарит Стивена Уайта за предоставленные данные.

неквалифицированных рабочих, 14% квалифицированных рабочих, 12% неквалифицированных работников умственного труда, 6% “специалистов” (работников с профессиональными квалификациями) и только 5% менеджеров [Вестник, 2005: с. 87].

Опросы в Украине показывают схожие формы разочарования. С пунктом опроса “сейчас все настолько неопределенно, что, кажется, может произойти практически все что угодно” в 1999 году соглашались 85,7%, в 2005 — 72% [Вестник, 2005: с. 35]. С пунктом “проблема сегодняшнего мира в том, что большинство людей на самом деле ни во что не верят” в 1999 году согласились 86%, в 2005 — 76% [Вестник, 2005: с. 36]. Что касается “удовлетворения жизнью вообще”, в 1994 году полностью либо частично неудовлетворенными были 49% респондентов, в 2005 — 45% [Вестник, 2005: с. 60]. На вопрос о том, чего им не хватает в жизни, в 1995 году 48% респондентов упомянули свое здоровье (в 2005 году этот показатель вырос до 51%); работу (42% и 46% соответственно) и “необходимую одежду” (48% и 31% соответственно). На вопрос, чувствуют ли они себя способными “жить в новых социальных условиях”, в 1995 году 47% сказали, что неспособны (в 2005 году этот показатель снизился до 35%); способными жить в новых условиях считали себя 13% и 24% соответственно [Вестник, 2005: с. 61] (см.: [Панина, 2005: с. 35, 36, 60, 61]).

В свою очередь, в России в 1995 году лишь 11% респондентов описывали свою жизненную ситуацию как “неплохую” и признавали: “я могу справиться”; в 2005 году их доля (в среднем) выросла до 17%. На противоположном конце шкалы (“наша катастрофическая ситуация уже невыносима”) в 1995 году находились 35%, в 2005 — 25% [Вестник, 2005: с. 74].

Исследование Pew Research Center, проведенное в 2009 году, когда начали ощущаться последствия экономического кризиса, выявило очень высокие уровни неудовлетворенности. Как негативную оценили “текущую экономическую ситуацию” 94% населения Венгрии, 93% литовцев, 91% украинцев, 84% болгар, 81% чехов. Даже в странах с наиболее позитивными настроениями — Словакии, России и Польше — доля людей, считавших экономические условия плохими, заметно превышала половину населения (73%, 68% и 59% соответственно). Схожие показатели наблюдались при ответе на вопрос о “происходящем в моей стране”¹.

Влияние на социальное благосостояние

До падения государственного социализма социалистические государства существенно различались по своему экономическому, политическому и социальному развитию. Их стартовые позиции не были равными. Это справедливо не только для стран Центральной Европы, но и для республик СССР, также во многом различавшихся. Одной из целей реформ и последовавшего преобразования государственного социализма было повышение уровня благосостояния. Как отмечалось выше, после почти двадцати лет преобразований ВВП увеличился, но ощущения народа указывают на разочарование в стандартах благосостояния в условиях рынка.

¹ The Pew Global Attitudes Project: Two Decades after the Wall's Fall” / Pew Research Center. — Washington, DC. — November 2, 2009. — P. 73, 75.

Отчего такое несоответствие? Оттого, что ВВП — слишком узкий параметр для оценки благосостояния, игнорирующий распределение доходов и способ их использования. Кроме того, благосостояние следует оценивать в сравнительной перспективе. Контрольные точки для посткоммунистических стран следует выбирать с учетом ситуации в постиндустриальных странах Запада, также изменившейся с момента начала преобразований. Поэтому прогресс обществ государственного социализма следует анализировать в терминах условий не 1989 или 1991 годов, а сегодняшнего дня. Если взять за основу нынешнюю ситуацию, возможно, преобразования предстанут в ином свете.

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) дает сводный рейтинг стран на основании четырех компонентов: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, грамотность взрослого населения, его уровень образования (среднее и высшее), а также валовый внутренний продукт на душу населения¹. Его можно использовать в качестве исходных базисных данных для измерения сравнительных уровней развития новых стран-членов ЕС, республик бывшего СССР и Китая, а также для оценки последствий перемен, к которым привел процесс преобразований. Рассмотрим два уровня благосостояния, измеряемые ИРЧП, с двух точек зрения. Во-первых, изменение благосостояния в постсоциалистических странах; во-вторых, соотношение этих перемен с ситуацией в других странах. Эти показатели позволят нам определить степень улучшения благосостояния в постсоциалистических странах с течением времени и выяснить, приближаются они к более развитым странам или удаляются от них.

На рис. 4а–в показаны тренды благосостояния от момента непосредственно перед падением государственного социализма (1985) и в период 1990–2007 годов. Первый график показывает изначальное снижение уровня благосостояния во всех четырех новых странах-членах ЕС (Польше, Венгрии, Латвии и Чехии). Во всех этих странах этот уровень заметно снижался вплоть до 2002 года, когда было зафиксировано улучшение. Особенно сильное падение произошло в Латвии. Несмотря на разворот этого тренда в 2002 году, к 2007 году ни одна из этих стран не достигла исходной позиции. Рисунок 4б иллюстрирует развитие событий в европейских странах СНГ (Россия, Беларусь, Украина, Армения). В этих странах произошел гораздо более сильный спад, причем в Армении и Украине он был особенно резким. К 2007 году ни одна из этих стран не вернулась к уровню советского периода. Рисунок 4в показывает ситуацию в центральноазиатских республиках бывшего СССР (Казахстан и Узбекистан), а также в Азербайджане и Китае. В Узбекистане снижение уровня жизни было существенно меньшим, и все эти страны вернулись к уровню советского периода, а то и превзошли его. Больше всего поражает стабильное улучшение условий в Китае, хотя с 2005 года прогресса практически не было.

---

¹ Human Development Report 2005. — Available from <www.hdr.undp.org/reports/global/2005> (данные для 2005 года). В нижеследующих таблицах используются данные докладов 2001 года (касающиеся 2000 года) и 2005 года (касающиеся 2003 года). См. также: UNDP Human Development Report 1991. — New York and London: Oxford University Press, 1991.

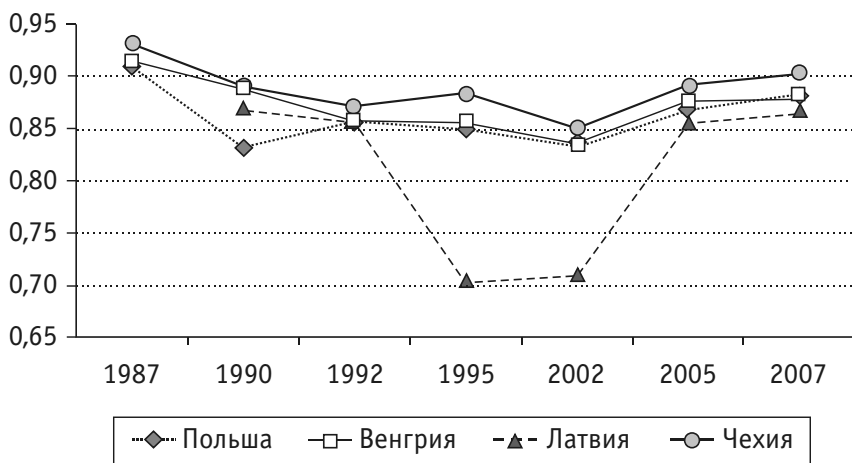

Рис. 4а. ИРЧП в 1987–2007 годах (Польша, Венгрия, Латвия, Чехия)

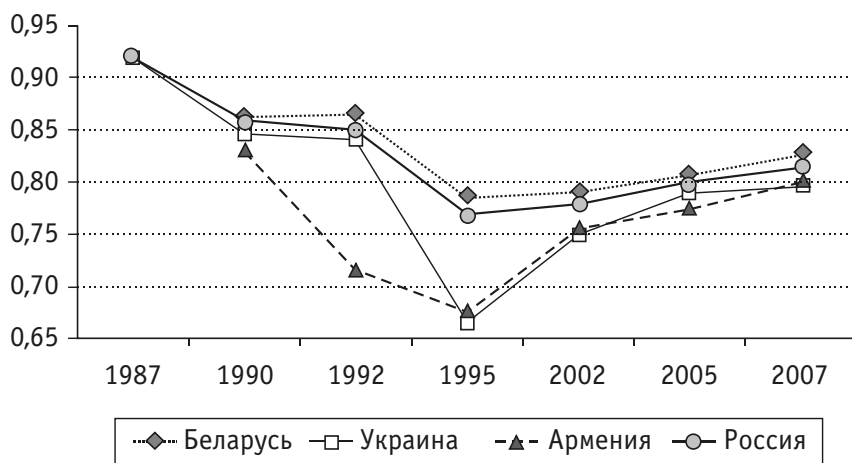

Рис. 4б. ИРЧП в 1987–2007 годах (Россия, Беларусь, Украина, Армения)

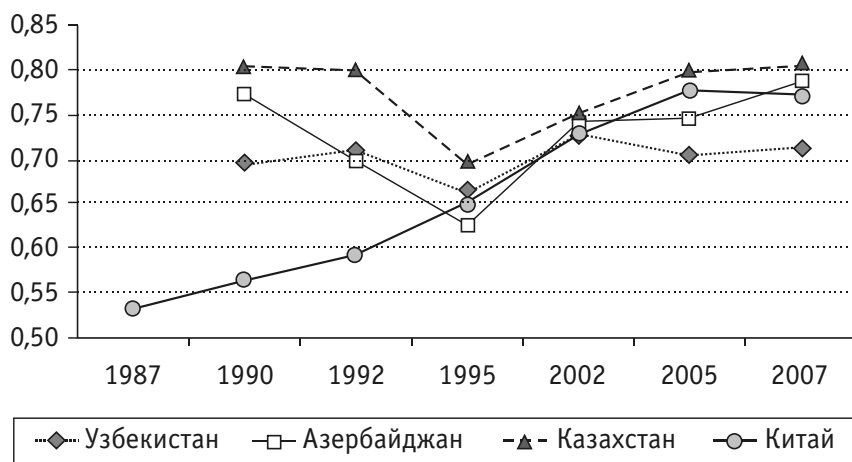

Рис. 4в. ИРЧП в 1987–2007 годах (Узбекистан, Азербайджан, Казахстан, Китай)

Вторым вопросом является сравнение постсоциалистических стран и Китая с остальным миром. Стали ли их позиции по сравнению с другими странами лучше, чем до преобразований? Давайте сравним позиции этих стран в общемировом масштабе. По ИРЧП самая развитая страна занимает 1 место. Верхние места занимают европейские и англосаксонские страны (единственное исключение — Япония, входящая в первую десятку стран). В мировом рейтинге в конце 1980-х годов высшие уровни развития человеческого потенциала среди социалистических стран имели Чехословакия (27-е место), Венгрия (30-е) и СССР (31-е). В это же время все европейские социалистические страны (кроме Румынии) относились к “категории стран с высоким уровнем РЧП”, включавшей первые 53 страны (Румыния занимала 58-е место). Неевропейские социалистические страны находились в эшелоне среднеразвитых стран: Куба (62-е место), Северная Корея (74-е) и Китай (82-е). Только Вьетнам (99-е место) относился к категории стран с “низким уровнем РЧП”.

К сожалению, сравнительное исследование постсоциалистических тенденций осложняется тем, что показатели республик бывшего СССР вплоть до 1992 года, когда они стали независимыми государствами, агрегировались в общий показатель СССР. В свою очередь, попытки сравнить тенденции после 1992 года осложняются тем, что теперь места стран в рейтинге определяются, исходя из большего количества государств. Поэтому данные по СССР пришлось переработать, чтобы разграничить его европейские и азиатские республики. Также пришлось найти места в рейтинге новым постсоциалистическим европейским государствам (таким, как Словакия). С учетом всего этого стало возможным составить по-настоящему сравнительную таблицу, показывающую рейтинги современных государств и их изменение с течением времени.

ВВП разных республик СССР существенно отличался. В ежегодных статистических отчетах по СССР эти данные не публиковались. Однако одним из параметров, отражающих экономическую ситуацию, является зарплата работников ручного и умственного труда. Поэтому мы вычислили соотношение средних зарплат в отдельных республиках и в СССР в целом; при этом европейские республики оказались в верхней части, а центрально-азиатские — внизу¹. В качестве индекса здоровья мы использовали ожидаемую продолжительность жизни и младенческую смертность². Также были собраны данные о количестве людей с высшим и средним специальным образованием, занятых в экономике каждой из республик. Наконец, для изме-

---

¹ Первые места заняли Эстония, Россия, Латвия и Литва, следом за которыми шли Туркмения и Казахстан. Беднейшими республиками оказались Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан и замыкавшая список Молдавия [Труд в СССР, 1988: с. 154–155]. Колхозники (крестьяне) в этих показателях не учитывались, поскольку получали доходы от колхозов и личных участков. Везде, кроме, возможно, Грузии, доходы в сельском хозяйстве были намного меньше, чем в промышленности и сфере услуг. Социальные и экономические условия на селе также были существенно хуже.

² Наименьшая младенческая смертность была зафиксирована в Латвии, за которой шли Литва, Беларусь, Украина, Эстония и Россия. На противоположном конце списка находились Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и (последнее место) Туркмения (данные за 1987 год см.: [Население СССР, 1989: с. 492; с. 680–684]).

рения экономического развития мы взяли уровень оборота розничной торговли¹. Эти четыре индекса (младенческая смертность, уровень образованности, то есть количество людей с высшим и средним специальным образованием, средняя зарплата и оборот розничной торговли) были агрегированы для получения сводной картины состояния республик СССР до того, как начали сказываться реформы Горбачева середины 1980-х годов. Балтийские республики и Россия формируют группу на вершине рейтинга развития, а четыре центральноазиатские республики (плюс Молдова) его замыкают. Несколько особняком стоит Казахстан, занимающий девятую строчку рейтинга (из 15)².

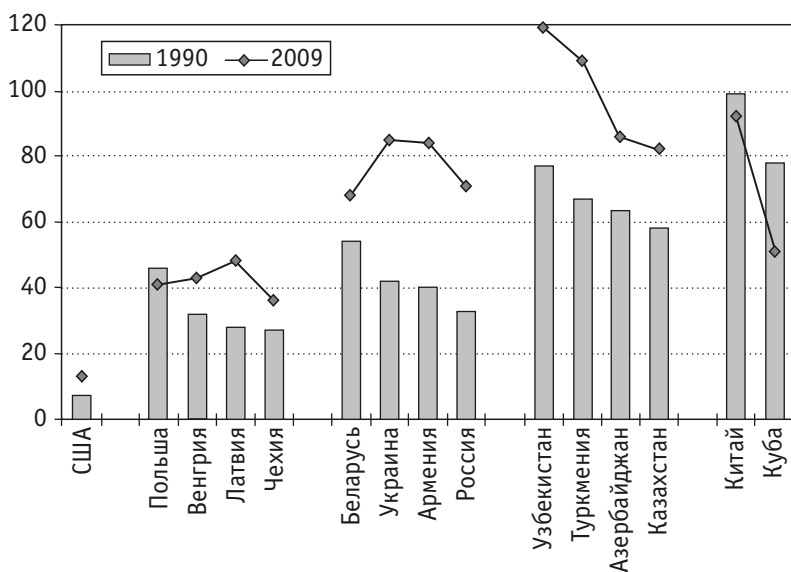

Рис. 5. Показатели РЧП: рейтинги стран в 1990 и 2009 годах

Источники: Human Development Report 2009. — UNDP, 2009. —

<http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2009/>; Human Development Report 1991. — New York: UNDP, 1991. — P. 119–121. Данные по СССР дезагрегированы. Страны ранжированы согласно уровню развития (1 место — наивысший). В 1990 году рейтинг охватывает 177 стран (с учетом авторских оценок, изначально 160), в 2009 — 182 страны.

Этот анализ позволяет нам определить место центральноевропейских стран, республик бывшего СССР и Китая в мировом рейтинге государств

¹ В 1988 году в СССР на 10 000 жителей приходилось 53 работника с высшим специальным образованием, занятых в сфере теоретической или прикладной науки и высшего образования. При этом в Российской Федерации их было 70 на 10 000, а в Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении — соответственно, 20, 25, 24, 18 и 16 [Научные кадры СССР, 1991: с. 110]. Данные об обороте розничной торговли взяты из сборника «Народное хозяйство СССР в 1985 г.» (с. 466).

² Порядок республик в рейтинге (сверху вниз): Латвия, Эстония, Россия, Литва, Армения, Украина, Грузия, Беларусь, Казахстан, Азербайджан, Туркмения, Киргизия, Молдова, Узбекистан, Таджикистан.

согласно ИРЧП¹. Рейтинги за 1990 год показаны вертикальными столбиками, сопоставимые рейтинги за 2009 год — линиями.

Только три страны сравнительно улучшили свои позиции в мировом рейтинге: Китай, Куба и Польша. Все европейские страны-члены СНГ заметно опустились, причем Украина и Россия — почти на 40 позиций. Центральнo-азиатские республики, в особенности Узбекистан и Туркмения, также резко упали. Позиции стран второй группы (Венгрия, Чехия и Беларусь) снизились относительно мало. Очевидно, ожидания тех, кто ратовал за переход к капитализму, не очень оправдались. Как уже отмечалось на основе данных, представленных на рисунке 1, у большинства постсоциалистических стран уровни развития человеческого потенциала теперь меньше, чем в советское время; лишь очень немногие хоть как-то улучшили свое положение. Приближения к западному уровню жизни, на что так надеялись и что так активно декларировали, не произошло. Дистанция между бывшими социалистическими странами и индустриализованным Западом не сократилась.

Неравенство

Многие критики советской системы, от Гидденса [Giddens, 1973: p. 294] до Фейера с его соавторами [Feher, 1983: p. 299] — утверждали, что она означала смену капиталистической системы политическим доминированием без снижения социальной эксплуатации. Реалии последних 20 лет позволяют оценить последствия перехода от политического управления к рыночному и не позволяют утверждать, что экономическая эксплуатация снизилась. Напротив, в бывших обществах государственного социализма неравенство и бедность росли экспоненциально.

Две основные причины чудовищного неравенства доходов при рыночной капиталистической системе — неравенство частной собственности на средства производства (дающие прибыль) и безработица, перекрывающая поток доходов. В странах государственного социализма ничего этого не было, вследствие чего они были более эгалитарными в плане распределения доходов и имели относительно невысокую бедность. Одной из целей программы реформ, наряду с ростом благосостояния, было перераспределение благ таким образом, чтобы создать экономические стимулы для поощрения инициативы и вознаграждения трудолюбия. Реформаторы полагали, что за переходом к рынку последует увеличение неравенства доходов и богатства, что, в свою очередь, простимулирует экономическую эффективность, от которой выиграют все.

Индексы Джини показывают соотношение между группами богатейших и беднейших (0 — идеальное равенство, то есть все получают одинаково, 100 — идеальное неравенство, то есть богатые получают все, бедные — ничего). Индекс Джини измеряет денежный доход, но упускает из виду другие виды дохода (предоставляемое государством образование, здравоохранение, жилье). Однако денежный доход является важной составляющей неравенства, поэтому может быть использован как для сравнения стран между собой,

---

¹ За основу взяты страны, включенные в “Доклад о развитии человеческого потенциала” за 2003 год (HDR 2005). К этому списку добавлены 18 новых государств и исключен СССР. В 1990 году Доклад охватывал в общей сложности 260 стран, в 2003 году — 277 стран.

так и для изучения изменений с течением времени. С момента падения государственного социализма неравенство существенно выросло¹. В 1987–1988 годах средний коэффициент Джини для СССР и центральноевропейских социалистических стран равнялся 23 (для России — 24, Украины — 24, самый низкий был у Чехии (19) и Словакии (20)). В период после 2000 года (самые свежие данные датируются 2010 годом) у трех (Китай, Туркмения и Россия) индексы превысили 40. За вычетом таких стран, как США (41), и развивающихся капиталистических стран вроде Бразилии (59), большинство индустриальных западных стран имеют индексы в пределах третьего десятка (Германия — 28, Дания — 25). После 2000 года девять постсоциалистических стран (Узбекистан, Албания, Украина, Беларусь, Хорватия, Словения, Словакия, Венгрия и Чехия) имеют индексы в пределах 30 и меньше.

Преобразования, вне всякого сомнения, привели к огромному росту уровня бедности. Согласно данным, собранным Милановичем, до преобразований в восемнадцати центрально- и восточноевропейских странах насчитывалось 14 млн бедных людей (4% населения); в 1993–1995 годах эта цифра выросла до 168 млн или 45% населения [Milanovic, 1998: p. 67]. Уровень бедности в Венгрии вырос с 1% населения в 1987–1988 до 2% в 1993–1995 годах, в Эстонии — с 1% до 37%, в России произошел огромный скачок с 2% до 44%, а в Украине — с 2% до 63% (здесь под бедностью понимается доход менее 120 долл. США на человека в месяц).

В России непомерно высокий доход и богатство связаны с приватизацией ценных природноресурсных активов (нефти и газа), обеспечившей огромные доходы для небольшого количества связанных с этим сектором людей. Безработица и низкая зарплата вызвали появление широкого слоя очень бедных людей [King, 2003: p. 3–30]. В Беларуси частный сектор развит очень слабо. Россия и Туркмения входят в первую пятерку основных стран-экспортеров, в число которых входят также Молдова и Казахстан. У всех этих стран индексы Джини очень высокие. Корреляция между долей вклада в экономику основных экспортных статей и неравенством также очень высока и составляет +0,689. Возможно, это объясняется дешевизной рабочей силы и низкой насыщенностью рынка труда в этих отраслях, а также тем, что, как отмечалось выше, в результате приватизации высокие доходы от продажи нефти оказались в распоряжении нескольких человек. Возможно, эти страны поражены “Голландской болезнью”, когда высокий обменный курс национальной валюты подавляет развитие сельского хозяйства и промышленности, приводя в итоге к безработице. Однако Норвегия, строго регулирующая доходы от продажи нефти, избежала излишней концентрации богатств в руках небольшого числа собственников. Очевидно, что приватизация малого бизнеса, к примеру, розничной торговли, влияет на доходы иначе, чем приватизация гигантских материальных активов, таких как месторождения полезных ископаемых. В этом случае эффект от “приватизации” может двинуть страну в другом направлении.

¹ Источники: Доклады о развитии человеческого потенциала (выпускаются ежегодно для Программы развития ООН (ПРООН) за 2002 и 2005 годы [Human Development Report, 2002. — New York: OUP, 2002; для выпуска 2005; World Development Report, 1996]. Данные за период после 2004 года взяты из: [Development Report, 2010]; за 1987–1988 — из: [Milanovic, 1998: p. 41].

К факторам, влияющим на масштаб неравенства, относятся различия между частным и государственным секторами. Государственный сектор зависит от бюджетных ограничений (политика, которую очень любят неоллибералы и насаждает МВФ), что привело к задолженностям по зарплате и снижению реальных доходов в силу инфляции. В новых странах-членах ЕС неравенство ниже, и их ВВП выше, чем у стран СНГ. Большие объемы и широкое распространение прямых иностранных инвестиций привели к формированию более процветающего частносекторного среднего класса, которого явно не хватает странам СНГ и наличие которого способствует более равному распределению доходов. Можно сделать вывод, что в более успешных и урбанизированных переходных странах (Венгрия, Чехия) приватизация активов иностранными фирмами привела к увеличению зарплат на рынке труда и появлению рабочих мест. Там, в отличие от России, прибыль репатрируется, и незаслуженные доходы собственников не накапливаются за рубежом; таким образом снижается доход богатейшей части населения страны. Для объяснения остальных случаев требуется изучить прочие контекстуальные факторы. Беларусь, к примеру, явно имеет государство, достаточно сильное для поддержания низкой дифференциации доходов. В находящемся в противоположной части спектра Туркменистане не получил развития частный сектор, однако недостает либо желаний, либо способности предотвратить возникновение высокой дифференциации доходов, что, опять-таки, можно списать на особенности экономики, построенной на экспорте энергоносителей. Если исключить государства-экспортеры энергоносителей, получим общую тенденцию снижения дифференциации доходов по итогам приватизации.

Безработица

Неолиберальная политика преобразований практически уничтожила принятую в обществах государственного социализма практику обеспечения всеобщего трудоустройства. В отсутствие системы государственного планирования все постсоциалистические страны остались один на один с силами рынка. Как следствие, произошло существенное увеличение уровня безработицы, который можно определить двумя способами: во-первых, анализируя занятость людей; во-вторых, оценивая уровень официальной безработицы. Второй способ оценки безработицы в определенной степени зависит от административных структур, занимающихся сбором данных. Хорошим индикатором реального уровня безработицы являются изменения численности занятого трудоспособного населения.

На рисунке 6 показано изменение количества людей трудоспособного возраста, занятых в экономиках некоторых постсоциалистических стран, начиная с 1989 года. Видно, что в период между 1989 и 1999 годами произошел огромный спад уровней занятости, причем особо резко падение наблюдалось в Венгрии (на 21,7%), Польше (17,9%), России (13,3%) и Украине (15,2%). Работы лишились десятки миллионов человек. В терминах неолиберальной экономики такие потери означают, что в странах государственного социализма имела место “перезанятость”, а рынок позволил использовать рабочую силу более эффективно.

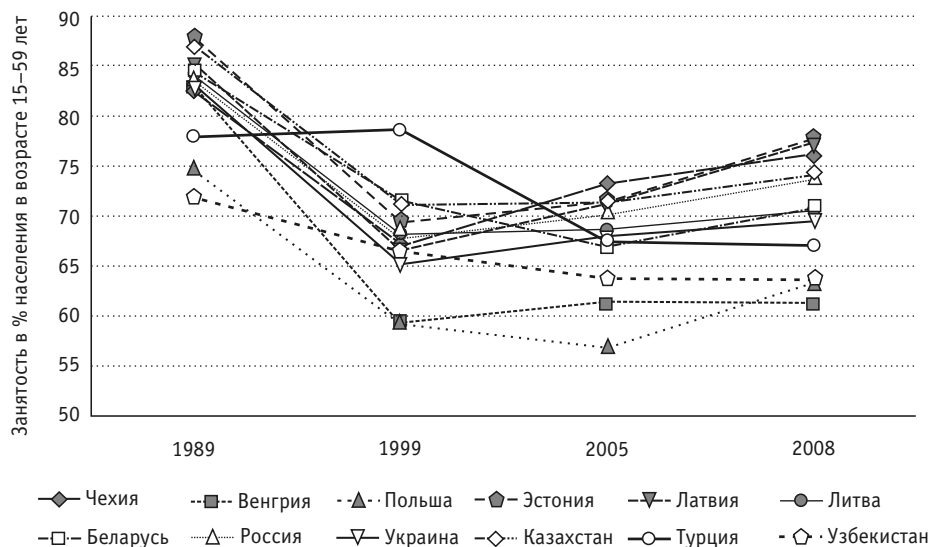

Рис. 6. Уровень занятости (% от населения в возрасте 15–59 лет)

Источник: База данных TransMONEE 2010 (www.unicef.org/ceecis), (цит. 2010, 2 июля).

Если обратиться к используемым ЕБРР индикаторам переходного процесса за 2003 год (сумме из 9 индикаторов), получим, что корреляция между скоростью снижения численности рабочей силы и прогрессом преобразований составляет +0,58 — чем масштабнее неолиберальные реформы, тем больше снижается уровень занятости. Этого и следовало ожидать, ведь неолиберальная политика предусматривает увеличение производительности труда за счет уровня занятости. Однако, как показывает график, увеличение занятости после 1999 года не смогло полностью компенсировать потерю рабочих мест в связи с созданием новых видов занятости.

Если мы рассмотрим уровни безработицы, то заметим аналогичную, хоть и не столь отчетливую тенденцию. Как видно на рисунке 6, в первые годы преобразований официально зарегистрированный уровень безработицы (согласно LFS)¹ значительно вырос (в Польше он был особенно высоким, составляя в 2000–2005 годах более 15%). Корреляция между уровнем безработицы и индикаторами переходного процесса вновь будет позитивной, но более низкой. Если рассмотреть среднее увеличение уровня безработицы в 1993–2008 годах, то в 2009 году корреляция между уровнем безработицы в стране и упомянутыми выше индикаторами ЕБРР составляет 0,2, а в 2003 — 0,3. Здесь следует отметить, что наименее реформированные страны (Беларусь, Туркмения и Узбекистан) в расчете не учитываются, поскольку для этих стран данные о безработице отсутствуют. В свете описанных выше закономерностей уровень безработицы, вероятно, должен быть ниже, а корреляция, следовательно, выше (см. рис. 7).

¹ LFS — Labour Force Survey (англ. исследование рабочей силы). В его рамках безработными считаются те, кто не имеет оплачиваемой работы и ищет работу в течение последних 4 недель. Эти данные недооценивают реальный уровень безработицы, поскольку «поиск работы» — социальная концепция.

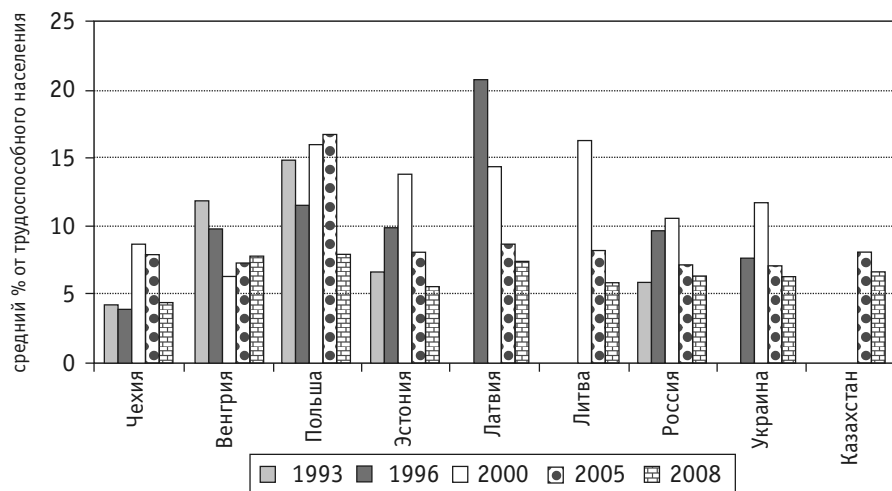

Рис. 7. Ежегодные показатели безработицы на основе методики LFS (в процентах от трудоспособного населения) за 1993–2008 годы для некоторых новых стран-членов ЕС и СНГ

Источники: база данных TransMONEE 2010 (www.unicef.org/ceecis, дата доступа: 2010, 24 июня; Transition Report 2003. — London: EBRD, 2003. — P. 16; Transition Report 2009. — London: EBRD, 2009. — P. 9 (Russian edition). Безработными считаются те, кто не имеет оплачиваемой работы и ищет работу в течение последних 4 недель.

Экономический спад после 2007 года привел к росту безработицы. Даже в период с августа 2008-го по март 2009-го безработица во всех странах-членах Организации экономического сотрудничества и развития существенно выросла, причем в Европейском Союзе — на 18,5%, с 7% до 8,3% трудоспособного населения. Данные по некоторым посткоммунистическим членам ЕС отсутствуют, однако в Чехии этот показатель увеличился с 4,3% до 5,5% трудоспособного населения, что означает 28-процентный прирост количества безработных. Для сравнения, в США рост был даже выше — на 38,4% (с 6,17% до 8,54% трудоспособного населения). В России общее количество безработных увеличилось с 1,39 млн человек (среднее значение за 2008 год) до 2,04 млн в марте 2009 года, что составляет прирост на 46,7% [WEO, 2009: p. 17]¹. В странах с низкой защитой занятости, особенно в “странах Европы с переходной экономикой” (новых странах-членах ЕС и Турции), как признает МВФ, уровень безработицы, вероятно, увеличится: в странах Европы с переходной экономикой “произошла серьезная коррекция занятости, и гибкость рынка труда будет ключом к необходимому перераспределению рабочей силы и созданию новых рабочих мест”². В странах с высокой защитой за-

1 OECD Statistics, Harmonises unemployment rate (webnet.oecd.org/wbos, дата доступа 2009, 5 мая). В приведенной в OECD Statistics таблице представлены не все страны — члены ОЭСР.

2 См. также данные, показывающие, что увеличение уровня безработицы в “странах Европы с переходной экономикой” выше, чем в Латинской Америке. Официально зарегистрированный уровень безработицы в августе 2009 года в Латвии составлял 12%, в Венгрии — 10%, в Польше — 11% [WEO, 2009: p. 77].

нятости, таких как Германия, влияние на безработицу ниже, но продуктивность труда на одного работающего снижается.

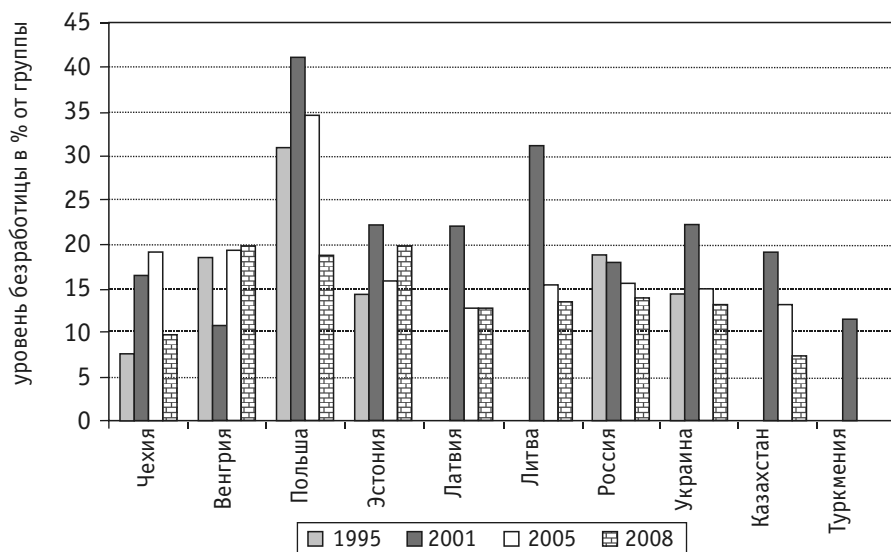

Рис. 8. Уровень безработицы среди 15–24-летних

Источник: база данных TransMONEE 2010 (www.unicef.org/ceecis, дата доступа: 2010, 24 июня).

Уровни молодежной безработицы, опять-таки, чрезвычайно высокие и свидетельствуют о том, что новые рабочие места созданы не были (см. рис. 8). Очень высокие уровни безработицы (более 40% в Польше и более 30% в Литве в 2001 году) стали “толчковым” фактором эмиграции молодежи в то время, как эти страны двигались к членству в Европейском Союзе. Опять-таки, эти цифры высоко коррелируют с введением неолиберальной экономической политики. Коэффициент корреляции между уровнем молодежной безработицы в 2005 году и индикаторами ЕБРР за 2003 год равен 0,42, а если взять средний уровень молодежной безработицы за период с 1995-го по 2008 год, он будет равен 0,44. Следует помнить, что данные о безработице в отстающих в плане перехода к рынку Беларуси и Узбекистане отсутствуют, а поскольку вполне вероятно, что безработица там ниже, коэффициент корреляции должен быть выше.

Изучение отдельных стран проливает свет на последствия неолиберальной политики. В центральноевропейских новых странах-членах ЕС (Венгрии, Чехии и Польше) относительно высокие уровни прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и выделенные ЕС средства на поддержание структурных изменений способствовали относительно успешному осуществлению преобразований. Венгрия и Чехия — это маленькие страны с мощной промышленностью, приватизированной европейскими компаниями. Увеличение богатства, пусть даже ценой роста безработицы на первых этапах, способствовало становлению государства всеобщего благоденствия в ходе процесса политически инспирированных преобразований. Также Европейский Союз создал свободный рынок труда, во многом смягчив последствия воз-

никшей безработицы — безработные или потенциально безработные могли переезжать в другие части Европейского Союза, что они массово и делали. На противоположном конце шкалы находятся Туркмени и Узбекистан, правительства которых проводили патерналистскую политику и для обеспечения социальной стабильности сохранили элементы государственнической экономики.

Структурные проблемы экономики, общее замедление экономического роста в сочетании с имобильностью населения и небольшими объемами “размазанных тонким слоем” иностранных инвестиций в экономику республик бывшего СССР могут служить объяснением более высоких уровней безработицы, так как во многих регионах произошел коллапс промышленности и сельского хозяйства, в результате чего исчезли рабочие места. Бывшие республики СССР, в первую очередь Россия и Украина, проиграли в плане занятости больше всего. Маркетизации и приватизации хватило, чтобы уничтожить прежний экономический уклад, но уровень восстановления экономики оказался недостаточным для компенсации за счет новых возможностей для трудоустройства тех разрушений, которые были вызваны маркетизацией.

Выводы

Государственный социализм основывался на идее, что все люди имеют право на занятость, на профессию и в качестве неотчуждаемого права на широкий спектр социальных услуг — коллективное, посредством деятельности государства, удовлетворение своих потребностей. Отвергая роль государства в достижении самореализации, радикальные реформаторы государственного социализма разрушили механизм коллективной деятельности, заменив его конкурентной борьбой индивидов. В чем они добились успеха, так это в утверждении веры в плюрализм и рыночный выбор; их программа была очень привлекательна для тех, кто ищет индивидуалистические решения общественных проблем. Выборная демократия в структуре капиталистической системы была широко поддержана населением. Со временем, однако, эта поддержка стала падать, сменившись всеобщим скептицизмом.

Общества всестороннего развития, гарантированного трудоустройства и стабильности — того, что обеспечивал государственный социализм, — так и не возникло. Новая система оказала неоднозначное воздействие на взаимоотношения внутри постсоциалистических обществ, а также между ними. Размышляя о двадцатилетнем периоде преобразований, я вспомнил свое предсказание, датированное 1996 годом: как и в случае с культом карго, вера в то, что приплывет корабль капитализма и привезет все, чего люди были полностью или отчасти лишены при социализме, в реальности может оказаться беспочвенной [Lane, 1996: p. 199]. Это предсказание не вполне оправдалось, так как некоторым вернувшийся корабль капитализма таки привез несметное богатство, однако большинству людей не досталось ничего. Из всех постсоциалистических стран лишь в Польше индикаторы развития человеческого потенциала зафиксировали позитивные изменения. Вместо того, чтобы догнать индустриальные страны Запада, большинство новых государств отстали от них еще сильнее. Все постсоциалистические страны пережили высокие уровни безработицы, приведшие к социальному напряжению.

Новые страны-члены ЕС добились больших успехов на пути к структурам выборной демократии и открытым экономическим рынкам, поэтому там поддержка выборной демократии и капитализма выше, чем в постсоциалистических странах, оставшихся за бортом ЕС. Однако в терминах благосостояния уровень развитых европейских стран в постсоциалистических странах не был достигнут, и в мировом рейтинге они сдали свои позиции. Конвергенция воплотилась в другие формы. Классовые структуры (в этой работе не рассматривавшиеся) имеют больше общего, и наблюдается тот же рост поляризации богатства, в результате чего возникает, с одной стороны, класс праздных богачей, а с другой — слой безработных. Во всех странах ЕС политиков занимают схожие вопросы: снижение перетекания средств между странами и сфера действия налогообложения; роль национальных государств в контексте экономического управления ЕС. Хотя задачей возглавлявших преобразования элит и классов было вызвать своего рода “созидательное разрушение” в душе Шумпетера, результатом стало больше разрушение, нежели созидание. В этом отношении прослеживаются параллели с деиндустриализацией даже в странах-ядрах ЕС, таких как Великобритания. Приватизация физических активов привела к появлению не только предпринимчивой буржуазии, но и класса капиталистов-рантье.

Реакция на это неоднозначна. С одной стороны, резко увеличилась личная неудовлетворенность, приведшая к возмущению со стороны значительной части населения. Широко распространена отчужденность от общества. От трети до четверти населения живет в относительной бедности и в условиях физического и психологического стресса. Распространена ностальгия о потерянном мире, особенно среди представителей старшего поколения и женщин. Можно с уверенностью заключить, что обещания радикальных реформаторов и их западных советников не привели к достижению уровня жизни, характерного для развитых капиталистических стран.

Однако, с другой стороны, следует признать, что многие люди в социалистических странах, в основном среди молодежи, отрицают эгалитаризм, коллективизм, государственный централизм и контроль, ассоциируемые с советской системой. Они не ностальгируют о прошлом, а смотрят в будущее. Хотя многие представители молодого поколения относятся к советской системе позитивно, подавляющее большинство считает иначе. Представители поколений, социализировавшиеся в условиях кампаний социалистической индустриализации и Великой Отечественной войны, либо уже умерли, либо достигли пенсионного возраста. Для молодого поколения характерно стремление к изобилию Запада, к процветанию и потребительскому выбору. Индивидуализм сильнее распространен в молодом поколении, которое, поразмыслив, сочло неолиберальную систему более выгодной для себя. Больше всего ностальгируют о социализме старики, социализировавшиеся в советских республиках. Фукуяма был прав, говоря, что распространение индивидуализма придет на смену коллективизму, единообразие сменится стремлением к разнообразию, свободу предпочтут равенству, частный выбор — общественному благу. Однако он и другие ошиблись, переоценив способность постсоветских экономик обеспечить материальную базу для такого консьюмеризма, что породило серьезную напряженность.

Либеральные реформаторы установили в странах Восточной Европы политико-экономическую систему, построенную на рыночных структурах

и частной собственности. Выше мы уже отмечали рост скептицизма по поводу “демократии”. В процессе преобразований в постсоветских обществах была создана двойственная система власти: политическая ассамблея, избираемая народным голосованием, и экономика с собственностью¹ на активы, соответствующие рынку. Под всеми политическими и экономическими изменениями обнаруживаются возникшее в результате приватизации неравенство, неэффективность выборной демократии в претворении чаяний народа в политическую практику, приводящая к безработице неадекватность рынка труда и самоустранение государства от обеспечения всеобщего благосостояния. Важно отметить, что существенная часть населения до сих пор поддерживает распределение по потребностям, сильное влияние правительства на управление экономикой и экономику всеобщей занятости [Mason, 1995: р. 388–390]². Хотя “государственный централизм” непопулярен, государственное обеспечение, как ни парадоксально, до сих пор пользуется широкой поддержкой.

Что это сулит нам в будущем? Преобразования в новых странах-членах ЕС привели к созданию системы либеральных выборных демократий. Центральноевропейские постсоциалистические государства пришли к либеральному варианту капитализма и интеграции в европейское ядро, необратимо привязавшее их к Европейскому Союзу. В экономическом плане такие институты, как МВФ и ЕБРР, ожидают развития событий по оптимистическому сценарию. ЕБРР отметил, что текущая экономическая рецессия не вызвала каких-либо существенных контрмер со стороны постсоциалистических стран, и бегства от рынка обратно в государственный централизм не произошло. Хотя преобразования считаются успешными, ЕБРР призывает к дальнейшим реформам, большей интеграции в глобальные институты, улучшению бизнес-климата, большей конкуренции и лучшему менеджменту [EBRD, 2009].

Однако данные, приведенные в этой статье, показывают, что во всех постсоциалистических странах присутствуют устойчивые уровни неудовлетворенности экономической и политической ситуацией; люди не расположены позитивно к экономическим последствиям преобразований. Хотя ЕС расширился, чтобы привязать к себе новые страны-члены и создать условия для поддержания стабильности, пример Греции показывает, что рассчитывать на готовность покорного и аполитичного населения смириться с существенным ухудшением уровня жизни и высоким уровнем безработицы не приходится. После 2007 года, по мере того, как страны ядра Европейского Союза начали испытывать серьезные экономические проблемы, членство в Европейском Союзе стало выглядеть уже далеко не столь привлекательным, как на заре преобразований. Тем не менее политическая обстановка во всех новых странах-членах, кроме разве что Венгрии, ныне больше напоминает не Грецию, а Ирландию. Люди до сих пор готовы сносить тяжесть реформ. Тому есть две причины. Во-первых, элиты менее разделены и сильнее

---

¹ Собственность может быть не только частной, но и государственно-капиталистической.

² Выводы сделаны на основе всесторонних опросов населения посткоммунистических стран.

тяготеют к ЕС, чем в евроскептических странах Запада. Население всех новых стран-членов ЕС, за исключением Польши, невелико, и они сильно зависят от ЕС в финансовом, политическом и экономическом плане. Во-вторых, в новых странах-членах нет значительных политических движений, могущих предложить альтернативный вектор. На государственном уровне новых стран-членов ЕС политический простор ограничен даже для проповедников экономической политики кейнсианского толка. Поэтому наиболее вероятны — по крайней мере, в краткосрочной перспективе — внутри-системные изменения в соответствии с рекомендациями ЕБРР.

В долгосрочной перспективе переход к государственному централизму, вне всякого сомнения, был бы поддержан большей частью населения. Поддержкой должны пользоваться усиление корпоративизма¹ или традиционных социал-демократических принципов в экономике и политической системе с сильным элементом государственного регулирования, ориентированного на кейнсианскую политику и направляющего инвестиции государственных и частных компаний на региональную базу, создавая тем самым рабочие места. Это был бы более приемлемый тип капитализма.

В экономически гибридных и более государственно регулируемых странах СНГ (Россия, Беларусь и Казахстан), а также в Украине, вполне вероятна ситуация, когда неолиберальный капитализм гарантирует лишь непреходящее состояние отсталости или одностороннего развития. В отличие от новых стран-членов ЕС, страны СНГ обладают большим населением и огромными природными ресурсами. Одним из возможных вариантов развития является увеличение роли государства. В этих странах неолиберализм менее укоренен, и они менее интегрированы в глобальные политическую и экономическую системы. Политическое пространство для альтернативных политик намного больше. Но даже здесь возвращение к государственному социализму с государственной собственностью, плановой экономикой и всеобъемлющим соцобеспечением маловероятно. Возможно, что “внутрисистемные” изменения под предводительством той или иной группировки правящих элит (к примеру, силовых структур, поддерживаемых менеджерами государственных корпораций) могут привести к некоторому типу режима государственного централизма. Более вероятным сценарием представляется переход к национальному типу капитализма, как в Германии и Австрии в межвоенный период. Частная собственность корпораций в условиях рыночной экономики останется, но при усилении государственного контроля и привязывании направления развития к национальным целям. В лучшем случае можно предположить возникновение управляемой формы демократии в качестве оболочки для политической системы корпоративистского типа.

Источники

Brzezinski Z. The Grand Failure / Zbigniew Brzezinski. — London: Macdonald, 1990.

¹ Под “корпоратизмом” я понимаю взаимодействие самых главных “акционеров” общества, а именно частного и государственного бизнеса, институтов центральной и местной власти и организованных политических групп. Важность этих групп и баланс их сил изменяется от общества к обществу и с течением времени.

Dahrendorf R. Reflections on the Revolution in Europe / Ralf Dahrendorf. — NY: Chatto and Windus, 1990.

Development Report 2010. — World Bank, 2010.

EBRD Transition Report 2009.

Feher F. Dictatorship over Needs / F. Feher, A. Heller, G. Markus. — Oxford: Blackwell, 1983.

Fukuyama F. The End of History? / Francis Fukuyama // The National Interest. — Summer 1989.

Giddens A. The Class Structure of the Advanced Societies / Anthony Giddens. — London: Hutchinson, 1973.

Halliday F. The Ends of Cold War / Fred Halliday // After the Fall / Robin Blackburn. — S.L.: Verso, 1991.

Human Development Report for 2002 / United Nations Development Programme. — New York: OUP, 2002.

Human Development Report for 2005 / United Nations Development Programme. — New York: OUP, 2005.

King L. Shock Privatization: The Effects of Rapid Large-Scale Privatization on Enterprise Restructuring / Larry King // Politics and Society. — 2003. — Vol. 31, No. 1. — P. 3–30.

Lane D. The Rise and Fall of State Socialism / David Lane. — Cambridge: Polity Press, 1996.

Mason D.S. Attitudes toward the Market and Political Participation in the Postcommunist States / David S. Mason // Slavic Review. — 1995. — Vol. 54, No 2. — P. 388–390.

Milanovic B. Income, Inequality and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy / Branko Milanovic. — Washington, DC: World Bank, 1998.

Saville J. The Communist Experience: A Personal Appraisal / John Saville // The Socialist Register, 1991: Communist Regimes: The Aftermath / Ralph Miliband and Leo Panitch (Eds). — London: Merlin, 1991.

WEO. — October 2009.

White S. Communist Nostalgia and Its Consequences in Russia, Belarus and Ukraine / Stephen White // The Transformation of State Socialism / David Lane (Ed.). — Palgrave: Basingstoke, 2007.

World Development Report 1996. — N.Y.: Oxford University Press, 1996.

Вестник общественного мнения. — 2005. — №(77).

Население СССР, 1988. — М.: Госкомстат СССР, 1989.

Научные кадры СССР. — М.: Мысль, 1991.

Панина Н. Украинское общество 1994–2005. Год перелома. Социологический мониторинг / Н. Панина. — К., 2005.

Труд в СССР. — М.: Госкомстат СССР, 1988.

Перевод с английского ДМИТРИЯ ГЛОМОЗДЫ